
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.342

А. И. КРЕДИСОВ,
*доктор экономических наук,
профессор кафедры международного бизнеса
Института международных отношений
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Исследованы этапы развития рыночной экономики. Показано их теоретическое осмысление в периоды доклассического, классического и современного развития экономической науки. Рассмотрены экономические институты во взаимосвязи с политическими и социальными институтами общества. Аргументировано, что совокупность общественных институтов определяет не только способ производства на том или ином этапе развития рыночной экономики, но и формационную конструкцию общества в целом.

Ключевые слова: рынок, капитал, капитализация, социализация, коллективные экономические институты, менеджмент, корпоративная социальная ответственность, государственно-частное партнерство.

A. I. KREDISOV,
*Doctor of Econ. Sci.,
Professor of the Chair of International Business
Institute of International Relations
Taras Shevchenko National University of Kiev*

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF STAGES OF MARKET ECONOMY DEVELOPMENT

Stages of market economy development are researched. Their theoretical comprehension in the periods of pre-classical, classical and modern development of economic science is shown. Economic institutes in interrelation with political and social institutes of society are considered. It is argued that the aggregate of public institutions determines not only the mode of production at one or another stage of development of a market economy, but also the formational structure of society as a whole.

Keywords: market, capital, capitalization, socialization, collective economic institutions, management, corporate social responsibility, public-private partnership.

История человеческого общества — это история развития его экономических, политических и социальных институтов. Их взаимосвязь и взаимозависимость

© Кредисов Анатолий Иванович (Kredisov Anatolii Ivanovich), 2017; e-mail: kredisov_ai@ukr.net.

постоянно усложняются. Этому особенно способствует нынешняя глобализация, диалектика развития которой, с одной стороны, сближая страны и народы, усиливает схожесть их жизненных укладов, а с другой — способствует росту национальных амбиций, культурно-идеологических и религиозных отличий. В результате возникают имеющие сегодня место политическое и военное противостояния в отдельных странах и регионах мира и даже угроза развязывания третьей мировой войны.

Тем не менее, диалектика глобализационного развития имеет свой, все более очевидный вектор, который постепенно меняет систему человеческих отношений, а с ней и все общественные институты, трансформирует их в некую новую общественно-формационную конструкцию. Как показывает опыт, именно экономические институты были и остаются определяющими по отношению к происходящим изменениям, поэтому эту конструкцию следует связывать с ними и лежащими в их основе рыночными отношениями. Исходя из этого понятно, почему важен анализ этапов развития рыночной экономики, что явилось **целью настоящей статьи**.

Рыночная экономика до ее теоретического осмысления классиками экономической науки

Частная собственность, как и все основные категории товарно-денежных отношений, не существовала изначально при возникновении человеческого общества. Его первоосновой, что видно из научных исследований, был период развития первобытного общества. В исторической литературе период первобытного общества нашел отражение в многочисленных схемах его развития *. С нашей точки зрения, наиболее приемлема схема деления развития первобытного общества на периоды существования человеческого стада, родовой общины и сельской (территориальной) общины.

Объединяющим началом всех названных периодов развития общин было то, что они оставались натуральными хозяйствами. Имевший в них место обмен продуктами был обусловлен неодинаковыми природными условиями, определявшими различия в количестве и качестве присваиваемых членами общин продуктов природы. Он также был обусловлен услугами, предоставляемыми общине (в зависимости от той или иной стадии ее развития) должностными лицами (различного рода надзирателями, сборщиками налогов, судьями, школьными учителями и т. п.) либо ремесленниками (кузнецами, гончарами, плотниками и т. п.), которые за свою работу получали в обмен необходимые средства для существования. Средства же производства этих лиц, как правило, являлись общественной собственностью.

---

* Назовем лишь ряд авторов и публикаций, где изложены некоторые из этих схем. Признано, например, что наиболее глубокий анализ первобытного общества и периодов его развития, повлиявший, начиная со второй половины XIX в., не только на экономистов, но также на этнографов и историков, был сделан американским ученым Л.Г. Морганом. Изданная им в 1878 г. книга "Древнее общество" имела подзаголовок "Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации"; эту схему с дополнениями и уточнениями использовали основоположники марксизма, в частности Ф. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884 г.). Исследованию первобытного общества посвящена работа украинского экономиста Н.И. Зибера "Очерк первобытной экономической культуры" (1883 г.). Патриархальной домашней общине и ряду других проблем первобытного общества посвящены работы русского ученого М.М. Ковалевского, в частности "Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения" (1879 г.). Следует также отметить работу еще одного получившего образование в Украине и долгое время работавшего в ней известного экономиста советского периода А.М. Румянцева "Возникновение и развитие первобытного способа производства" (1981 г.).

Такую значительно упрощенную картину представляло собой хозяйство различных периодов развития первобытного общества. Кстати, последний из этих периодов окончательно утратил черты присваивающего хозяйства и стал периодом воспроизводящего хозяйствования первобытных людей. Вместе с тем в конце этого периода общественные отношения, содействуя росту производительных сил, превратились в такие отношения, которые мешали этому росту, тормозили его [1]. Следствием стало то, что отношения, связанные с бартерным обменом излишков труда семей (родов), составляющих общину, со временем превратились в особый вид деятельности – торговлю. Именно для удобства обмена люди изобрели деньги – знаки, ставшие необходимым элементом обмена (то есть торговли).

Наиболее четко обобщающее представление об этом периоде хозяйствования дал греческий мыслитель Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Признавая деньги естественным результатом развития человеческих потребностей и их удовлетворения в процессе обмена, он резко осуждал использование денег не по назначению. Исходя из того, что “монета не может рожать монету”, любые виды ростовщичества он рассматривал как заслуживающие порицания. По его мнению, “оно делает денежные знаки предметом собственности, такими, которые теряют свое назначение, ради которого они были созданы: ведь возникли они ради меновой торговли, получение же процента ведет к увеличению денег” [2, с. 395]. Иначе говоря, деньги теряли свою главную природную функцию как средство обращения (Т – Д – Т).

Такой взгляд на хозяйственный уклад, основанный на натуральном хозяйстве с все более развивающимися разделением труда и обменом его результатами, был присущ периодам как Древнего мира и Античности, так и Средневековья, то есть феодализму.

Это не исключало возникновения и развития так называемых “базаров” с присутствующими им товарно-денежными отношениями, хранилищ ценностей, менял одних видов денежных знаков на другие, которые также выдавали ссуды, занимались примитивными формами различного рода финансовых, а по сути банковских, операций. Такой банковский промысел существовал еще до нашей эры в Вавилонии, Древней Греции, Древнем Риме. В то время его не считали почетным занятием. Банковские операции в нынешнем их понимании были не самоцелью, а лишь средством для облегчения торговли и уплаты населением повинностей. Государство было к ним безразлично. Оно не поддерживало и не контролировало возникший новый, по сути рыночный, хозяйственный уклад. Поэтому развитие последнего не было непрерывным. Стабильность в своем развитии этот экономический уклад, как и большинство других видов рыночных форм хозяйствования, обрел в XIII–XIV вв. [3, с. 276–314].

С развитием экономических рыночных укладов (институтов) развиваются политические и социальные институты, а также соответствующие им идеологии. Для экономических институтов феодализма такой идеологией, то есть совокупностью экономических идей, которые определенным образом формировали отношение людей к действительности, стал меркантилизм [4, с. 77–88]. Как известно, основная идея меркантилизма в том, что деньги (золото и серебро) – это богатство. Данная идея нашла отражение как в экономической теории, так и в экономической политике государства. Последняя характеризовалась сначала доктриной денежного, а затем торгового балансов, которые по-разному обеспечивались в то или иное время развития феодализма.

Для раннего периода меркантилизма (XIV–XVI вв.) доход от внешней торговли был делом случая. В эпоху “пиратского империализма”, как ее определил английский экономист М. Блауг [5, с. 15], когда золото обеспечивало “военную мускулатуру”, государственное регулирование хозяйственной жизни сводилось лишь к протекционистской политике и достижению законодательным путем активного денежного баланса, а не к развитию денежных и кредитных институтов в рыночной торговле.

Только в более поздний период меркантилизма (середина XVII–XVIII вв.) политика государства стала на путь увеличения своего богатства преимущественно за счет обеспечения активного торгового баланса, то есть выполнения деньгами в условиях растущего рынка функции накопления ($D - T - D'$). Как видим, **меркантилистская политика государства фактически подвела экономическую мысль к понижению денег как капитала**, хотя формально деньги все также оставались богатством (золотом и серебром), то есть отождествлялись с капиталом.

Этот недостаток меркантилизма был присущ почти всем теоретикам того периода, в частности, таким блестящим авторам по проблемам внешней торговли, как англичанин Т. Мен, француз А. Монкретьен, итальянец А. Серра, и другим. Богатством страны для них уже были не только запас золота и серебра, но и земля, строения и другие потребительские блага. Торгуя ими, обеспечивая превышение вывоза товаров над ввозом, страна должна была обогащаться. Иначе говоря, развитие производства, как и его результаты, признавалось ими лишь в качестве средства расширения торговли.

Даже В. Петти (1623–1689 гг.), которого за понимание природы богатства и его источников по праву относят к предшественникам классической школы экономической науки, находился в плену меркантилистских идей и, в конечном счете, оценивал богатство подобным образом. Он выступал за “производство таких товаров и осуществление такой торговли (внешней. — *А.И.К.*), которые способствуют накоплению в странах золота, серебра, ценностей и являются более выгодными, чем другие виды производства и торговли” [6, с. 165].

В таких условиях рынок и капитал были отнюдь не главной составляющей, обеспечивающей богатство. Это позволяет нам сделать вывод, что меркантилистская наука представляла не только экономическую теорию, как писал М. Блауг [5, с. 15], но также теории рынка и капитала “в младенчестве”. Взросление и утверждение этих теорий осуществила классическая школа экономической науки.

Капитализация рыночной экономики

Торговля (а следовательно, рынок и деньги) стала главной составляющей схемы развития общества во времена позднего феодализма. Экономические, политические и социальные институты этого периода приблизили эпоху качественно новой формационной конструкции общества. Во всех общественных институтах возникают элементы, говоря современным языком, инновационного развития. Главной движущей силой экономического прогресса становится капитал, вместе с которым утверждается новый капиталистический способ производства.

Этот способ производства был связан с буржуазными революциями в Англии и ряде других стран Западной Европы, положившими начало демократизации их политических институтов. Начавшаяся в это время индустриальная революция привела к социальным изменениям в обществах: росту городов и промышленности, уменьшению аграрного сектора и, как следствие, их классовому расслоению. Спо-

способствовали этому также новая философия понимания человека как личности естественной свободы, его взаимосвязи с обществом *. Церковно-феодалные оковы такой связи, которую в то время проповедовала Римско-католическая церковь, были отвергнуты протестантской этикой, в результате чего земля, труд и капитал стали обычным товаром рыночной экономики [7, р. 34].

Пониманию роли, значения и функций капитала, как и сущности и исторического места капитализма, мы обязаны большому количеству научных школ общественных наук и ученых, в первых рядах которых стоят представители классической школы экономической теории. Как правило, отсчет их начинается с имени английского экономиста А. Смита (1723–1790 гг.).

Смелость научной мысли А. Смита заключалась в непринятии повсеместно утвердившихся в обществе идей меркантилизма, особенно той, которая отождествляла богатство общества с деньгами (золотом и серебром). Для Смита, в противовес меркантилистам, богатство – это количество потребительских благ, созданных человеческим трудом, производительность которого связана с углублением его разделения в обществе и техническим оснащением. Именно затраченный человеческий труд выражает стоимость потребительских благ, предназначенных для обмена и рынка. Именно рынок с объективно присущими ему законами стоимости, спроса и предложения, а также конкуренции становится механизмом хозяйствования капитализма. Наконец, именно рынок делает потребительские блага капиталом, то есть стоимостью, запасом этих благ, приносящих прибавочную стоимость. Для собственника капитала, то есть капиталиста, последняя становится ничем иным, как прибылью, доходом на капитал.

Эгоизм капиталиста не равен по своей роли и значимости в контексте благосостояния и прогресса общества эгоистическим интересам получателей таких доходов, как заработная плата (рабочих) и рента (землевладельцев). Погоня за прибылью, органически присущее стремление к выгоде и увеличению капитала, предпринимательский дух капиталиста – естественные движущие силы рыночной экономики, способствующие росту благосостояния всех социальных слоев общества. И хотя интересы этого класса, как писал А. Смит в своей основной работе “Исследование о природе и причинах богатства народов” (1776 г.), “никогда полностью не совпадают с интересами общества” [8, с. 195], то есть интересами других классов, развитие буржуазного общества он считал непрерывным, исторически неизменным.

Таковыми же неизменными (вечными) были для А. Смита его трактовки “экономического человека” и “невидимой руки”. Суть их в том, что эгоистические интересы каждого члена общества удовлетворяются только через оказание услуг другим людям, предложение для обмена своего труда и его продуктов. Естественное стремление улучшить свое материальное положение – стимул, который, если ему не мешать, сам способен привести общество к благосостоянию. Он же способен преодолеть препятствия, существующие в виде хозяйственных законов и норм, часто затрудняющих деятельность человека [8, с. 393]. Как видим, интерес и выгода каждого человека, ведомого “невидимой рукой” рынка, наиболее способствуют интересам общества. **Следствием этого является повсеместная капитализация экономики, чему должен содействовать и поддерживаемый государством режим естественной свободы.** Заимствованный у физиократов принцип *laissez-faire* (один из лучших его перево-

* Эта философия нашла свое полное отражение в работах известного французского ученого Гельвеция “Об уме” (1758 г.) и “О человеке” (1773 г.).

дов — “пусть все идет своим чередом”) А. Смит обосновал более последовательно и систематично применительно к внутренней и внешней политике государства.

Государство должно охранять жизнь, свободу и собственность граждан; более конкретно это означает: обеспечивать оборону страны, содержание полиции, правосудие, мобильность рабочей силы, предоставление обществу тех услуг, которые невозможны или невыгодны для частных лиц, и т. п. Такая трактовка роли и функций государства в дальнейшем получила название концепции “Государство — ночной сторож”.

Особое внимание А. Смит уделил внешнеторговой политике. В частности, он разработал программу свободы внешней торговли Англии, которая была направлена непосредственно против протекционистской политики меркантилизма. Это означало, с одной стороны, расширение воздействия рыночного механизма саморегулирования на сферу внешнеэкономических связей, а с другой, что свободная внешняя торговля выгодна всем странам, которым в условиях стабильного развития необходимо лишь накопление капитала. Как видим, рынок и его капитализация, по А. Смицу, необходимы не только национальной, но и международной экономике.

Теоретические, концептуальные взгляды А. Смита были взяты на вооружение его последователями Д. Рикардо и Дж. Миллем, а впоследствии, с конца XIX в., стали основой неоклассической теории. Решение главного вопроса капитализации общества этого периода — проблемы справедливого распределения доходов в экономической системе свободной рыночной конкуренции — ученые видели в действии объективных экономических законов. “Распределение социального продукта, — писал известный представитель неоклассической теории, основоположник американского маржинализма Дж.Б. Кларк (1847–1938 гг.), — определяется естественным законом. ...И если бы этот закон не подвергался воздействию нарушающих его элементов, он обеспечивал бы каждому агенту производства такое количество ценностей, которое он создает” [9, с. 39].

Из сказанного понятно, что сторонники экономической свободы видели проблемы в действии естественного механизма автоматического установления равновесия и обеспечения благосостояния людей. Подтверждением этого во второй половине XIX — начале XX в. были бедствия трудящихся масс и торговые кризисы, имевшие место и в Америке, и в странах Западной Европы.

Однако неоклассики и маржиналисты верили, что режим *laissez-faire* может обеспечить не только справедливость распределения, максимум возможного благосостояния и прогресса, но и неизменность капиталистической системы хозяйствования. Необходимы лишь определенные реформы, которые бы не нарушали частную собственность на капитал и экономическую свободу, а наоборот, укрепляли и расширяли их.

Такие взгляды, прежде всего, были направлены против получившей в то время огромную популярность марксистской экономической теории. Ее основоположник К. Маркс (1818–1883 гг.), во многом признавая вклад классической школы в экономическую науку и опираясь на это, теоретически обосновал сущность капиталистического способа производства и объективную неизбежность его замены иным некапиталистическим строем. Более того, теория К. Маркса, признавая в принципе объективную эволюционность и постепенность изменений основополагающих структурных экономических институтов капиталистического общества, доказывала возможность и даже целесообразность ускорения этих процессов, в том

числе путем революционной замены капитализма новым социалистическим способом производства*.

Поменяли свои взгляды на безоговорочное одобрение существующего экономического строя капитализма и механизма его хозяйствования и те представители западноевропейской экономической науки, которые не видели альтернативы капитализму. Тем не менее, отсутствие стабильного экономического развития становится для них не менее важной проблемой, нежели обеспечение непрерывного повышения жизненного уровня трудящихся. Создать схему динамичного развития, обеспечить равновесие экономики – таковы первоочередные задачи экономической политики капиталистических стран. Уравновешивающему механизму свободного рынка, которого придерживались неоклассики, все больше противопоставляется идея регулируемой экономики. Государственное вмешательство в экономику уже не противоречит закону рынка. Такое сначала эмпирическое вмешательство нашло свою теоретическую защиту в учении Дж.М. Кейнса (1883–1942 гг.). При этом Кейнс и его последователи сомневались, что капиталистическая экономика может стихийно сама добиться хотя бы какого-то экономического подъема, однако, в отличие от К. Маркса, не считали, что капитализм должен неизбежно прийти к катастрофе и уступить место новому, социалистическому, строю. Просто механизм хозяйствования, основанный на принципе *laissez-faire*, требовал изменений, которые бы обеспечивали в обществе постоянный спрос и не допускали угрожающего увеличения разрыва между сбережениями (накоплениями) и капиталовложениями (инвестициями).

Капитализм представлялся Кейнсу таким, что не требовал структурных изменений в экономике, и поэтому был вполне исправим. Он развивается, скорее, в сторону не краха, а ограниченности и временного застоя. “Мы все время переживаем колебания, – писал Кейнс, – избегая при этом катастрофических отклонений показателей занятости и цен в обоих направлениях от некоторой промежуточной позиции, находящейся заметно ниже полной занятости и заметно выше той минимальной занятости, спад за пределы которой представлял бы опасность для самой жизни” [10, с. 247].

Капитализация рыночной экономики в это время значительно обострила еще одну проблему: противостояние частной прибыли капиталистического производства общественным интересам. Комплексный, системный взгляд на решение этого вопроса был предложен американской институциональной школой экономической теории. Ее основатель Т. Веблен (1857–1929 гг.) и его последователи решительно отказались от взгляда на общество как на “беспорядочную толпу”. Экономике они

* В 1917 г., после Октябрьской революции в царской России, попытка революционной замены капитализма была предпринята в одной отдельно взятой стране. На этом пути возникший после революции Советский Союз до Второй мировой войны, а после ее окончания – в содружестве с другими социалистическими странами, даже демонстрирует успехи развития. Свое практическое отражение это нашло в возникновении стран так называемой социалистической ориентации, а теоретическое – в буржуазной концепции “конвергенции”, то есть в сближении стран капиталистической и социалистической систем, в общности их развития. Однако со временем политическая система социалистических стран, а также во многом и их прогрессивные социальные программы отрываются от реальных достижений экономических институтов и сталкиваются с серьезными проблемами развития. Последнее, прежде всего, и стало причиной распада СССР и всего социалистического содружества в конце прошлого века. Конец XX – начало XXI в. характеризуется отказом этих стран от командной экономики и теоретическим обоснованием необходимости их перехода на модель рыночной предпринимательской экономики.

тесно связывали с психологией, обычаями, судопроизводством, деятельностью профсоюзов и т. д. и исходили из **необходимости наличия коллективных экономических институтов, установления общественного контроля над бизнесом**, который, по их мнению, находился в прямом противоречии с производством. Отсюда в обществе существует постоянная потребность в его перестройке и реформировании.

Более конкретно о перестройке общества и экономической науки в связи с появлением новой корпоративной формы предприятий, отличающейся от типа, характерного для XVIII–XIX вв., речь шла в работах неонституционалистов К. Эйрса, Г. Минза и Дж. Гэлбрейта. Атомистическая экономика самостоятельных и независимых предприятий, основывающихся на господстве рынка и свободных ценах на товары, уже не могла обеспечить коллективную организацию, как и олигархию управляющих, контролирующую ее. Они призывали к сознательно управляемым методам использования и распределения ресурсов, которые должны были заменить “невидимую руку” А. Смита на “видимую руку”, то есть менеджмент. Он был направлен не столько на увеличение денег и капитала, то есть капитализацию рыночной экономики, сколько на контроль над ценами и рынками с целью обеспечения справедливости и благосостояния людей. Если учесть, что частную собственность неонституционалисты рассматривали как такую, что уступает корпоративной собственности, то легко увидеть, что таким образом подрывались устои капиталистического способа производства, его экономическая структура.

Идея саморазрушения капитализма получила развитие и в исследованиях западноевропейских экономистов-теоретиков в середине XX в. В частности, она была четко изложена в работе известного австрийского ученого Й. Шумпетера (1883–1950 гг.) “Капитализм, социализм и демократия” (1942 г.). Соглашаясь с взглядами К. Маркса об исторической неизбежности перехода от капитализма к социализму, он, однако, не связывал этот переход с экономическим коллапсом капиталистической системы [11, с. 207–208]. В противовес Марксу и его последователям, он считал, что капитализм саморазрушится вследствие собственных экономических успехов. К этому приведет негативное отношение к успехам социального и политического климата. Несложно сделать вывод, что социализация этого климата должна трансформировать капитализм, придать ему такие недостающие черты, как равенство и справедливость, и вместе с тем открыть новые возможности для инвестирования и предпринимательства. Об этом же, по сути, речь идет и в работах многих западных ученых уже конца XX – начала XXI в. В качестве примера назовем монографии директора Института по изучению экономической культуры Бостонского университета, профессора П. Бергера “Капиталистическая революция: пятьдесят предложений по обеспечению процветания, равенства и свободы” (1986 г.) и американского политика, экономиста Р. Рейча “Суперкапитализм: трансформация бизнеса, демократии и повседневной жизни” (2008 г.). При этом рыночный контроль над деятельностью производства в виде обеспечения его прибыльности и капитализации, как и политический контроль в виде командной экономики, существовавший в бывших странах социалистического содружества и все еще имеющий место в переходных к социалистическому рынку экономиках (Китай, Вьетнам), также трансформируются. Сегодня это явно просматривается в передаче контроля над производством и бизнес-деятельностью обществу, то есть происходит его замена социальным контролем. Не остается в стороне от этого процесса и сам бизнес. В отличие от экономической структуры капиталистического производства, которая, в сущности, все еще остается неизменной, организационная структура бизнес-деятельности, то есть его управление,

существенно меняется, но не в интересах неконтролируемой обществом капитализации экономики, а в сторону ее все большей социализации.

Социализация как определяющий вектор развития современной рыночной экономики

С 1970-х годов социализация стран с рыночной экономикой нашла свое отражение в менеджменте путем развития идеи социальной ответственности бизнеса. Эту идею можно идентифицировать как достижение баланса между интересами корпоративного (бизнесового) сектора и всего общества. Разумеется, достичь этого без регулирующей роли государства невозможно. Именно в этом следует усматривать взаимосвязь и взаимозависимость общественных институтов стран с рыночной экономикой. Развитые страны, которые сегодня больше всего охвачены процессами глобализации и в которых баланс интересов достиг самых высоких показателей, демонстрируют, таким образом, эволюционное развитие капиталистической системы, ее уже имеющуюся качественную, радикальную трансформацию в иной, отличный от капиталистического, способ производства. Главной движущей составляющей такого развития с конца XX в. стала практика корпоративной социальной ответственности (КСО), которая не только способствовала теоретическому обоснованию соответствующей концепции, но и стала важным фактором формирования политики крупнейших компаний США, Великобритании и других ведущих стран.

Консервативные взгляды даже таких признанных в экономической науке авторитетов, как, скажем, Нобелевский лауреат М. Фридман (1912–2006 гг.), относительно того, что единственной социальной обязанностью бизнеса является приумножение прибыли, не получили поддержки ни у общественности, ни в научном сообществе, ни даже в бизнес-среде. Вероятно, уместной была только интерпретация его мыслей по поводу того, что те, кто принимают на себя КСО, “исповедуют социализм в чистом виде”, и что “такие идеи подрывают основу концепции свободного рынка” [12, р. 106].

Постепенно ведущие компании развитых стран начали приходить к пониманию необходимости объединения разрозненных элементов корпоративной политики, связанных взаимоотношениями с окружающей средой, и выработки целостных подходов при взаимодействии с обществом. Государственные и социальные институты также вынуждали крупные компании обращать больше внимания на политику взаимоотношений с обществом. В частности, среди них можно назвать усиление давления со стороны правительств, которые с конца XX в. в странах Западной Европы установили более жесткие стандарты в сфере трудового законодательства и охраны окружающей среды, а также профсоюзов, прежде всего в сфере охраны труда и социальной политики.

Одновременно произошло и аналитическое обобщение существующих подходов к внедрению в практику разных стран социально значимых идей. Результатом этого стало выделение четырех моделей КСО: американской, европейской, скандинавской и японской. Незначительное, связанное в основном с историко-культурными особенностями развития стран, отличие этих моделей во многом уступает их сущностному единству и идентичности. **Во всех этих моделях КСО рассматривается как один из современных коллективных институтов, обеспечивающих стабильное и инновационное развитие не только бизнеса, но и общества в целом.** Неудивительно, что крупные компании, в первую очередь ТНК, стали проводниками концепции

КСО. В результате коллективное исследование КСО вышло на уровень международных организаций, таких как ООН, ОЭСР, МОТ и др.

Более того, идея КСО приобрела весомое практическое значение, что нашло свое отражение в разработке Международной организации по стандартизации многочисленных стандартов по КСО, которые не являются обязательными, однако обеспечивают создание и внедрение, с учетом национальных особенностей той или иной страны, соответствующих систем менеджмента — финансового менеджмента, менеджмента качества, окружающей среды, безопасности пищевой продукции и т. п.

Инвестируя ресурсы в развитие образования, медицины, науки, поддержание социально незащищенных слоев населения и воплощая природоохранные проекты, бизнес-организации и сами получают значительные выгоды от этой деятельности. Так, в 2011 г., согласно отчетам крупных компаний мира, большинство из них заявили о наличии преимуществ от внедрения КСО в систему управления*.

Как видим, есть все основания, чтобы главным направлением развития КСО в XXI в. считать усиление ее связи с теорией и практикой стратегического управления. В отличие от традиционной социальной ответственности, стратегическая корпоративная социальная ответственность исходит из того, что удовлетворение социальных потребностей должно быть непосредственно связано с основной деятельностью компании, выполнением ею своей "миссии". Иными словами, вопрос "Стоит ли бизнес-организации осуществлять КСО?", по сути, уступил место вопросу "Как это сделать?". В частности, как достичь двухсторонней выгоды, когда компании привлекаются к решению социальных проблем, влияющих на их прибыльность и конкурентоспособность? Известные ученые в области стратегического управления — профессора Гарвардского университета М. Портер и Р. Крамер — считают, например, что внедрение социальных программ служит для компании источником возможностей, инноваций и конкурентных преимуществ. В то же время задача современных лидеров — не просто думать о системной социальной ответственности, но также разрабатывать новые бизнес-модели [13].

Такую позицию сегодня разделяют многие зарубежные и отечественные исследователи. В их работах осуществлено теоретическое переосмысление роли не только бизнес-организации в обществе, но и планирования ее деятельности на основе анализа пожеланий заинтересованных сторон (стейкхолдеров), использования имеющихся природоресурсных возможностей и путей получения организациями конкурентных преимуществ, а также дана сравнительная характеристика традиционной и стратегической КСО, выполнены ее измерения по таким показателям, как приоритетность, специфичность, практичность, добровольность, наглядность, приведена классификация КСО и т. д.

Все это рассматривается под углом зрения интеграции КСО в систему стратегического управления бизнес-компанией, которая сегодня в странах с рыночной экономикой превратилась в направление, определяющее развитие бизнеса на основе демократизации его управления. И хотя Украина находится на начальной стадии формирования КСО и характеризуется пока еще низким уровнем активности в этой сфере и ограниченностью коммуникативных действий, но эта деятельность все же не является исключением. Не является исключением в Украине и деятельность по реализации еще одной важной составляющей коллективных экономических ин-

---

* International Survey of Corporate Social Responsibility Reporting / KPMG, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kpmg.com/PT/pt/IssuesAndInsights/Documents/corporate-responsibility2011.pdf>.

ституты современного общественного развития – государственно-частного партнерства (ГЧП) *.

ГЧП, как и КСО, также служит проявлением радикальной трансформации капиталистического производства. Это партнерство свидетельствует о постепенном избавлении капитализма от таких пороков, как “трения и антагонизмы, существующие между государственным и частным секторами” [11, с. 249].

Непосредственным поводом для появления ГЧП стала потребность внедрения в хозяйственную жизнь рыночных экономик концепции стратегического менеджмента, в частности стратегии стабильного долгосрочного развития. Свидетельство этого – временной аспект, присутствующий в теоретических определениях всех существующих на сегодняшний день подходах к пониманию сущности ГЧП: организационном, финансовом и нормативно-политическом [16; 17; 18]. Однако временной аспект ГЧП является хоть и обязательным, но недостаточным признаком его сущности. В разной степени причастными к таким признакам следует считать: 1) сотрудничество предприятий и организаций разных секторов экономики; 2) участие в нем организаций государственного и частного секторов; 3) товары и услуги общественного характера в качестве результата деятельности ГЧП; 4) обязательное наличие финансовых отношений; 5) распределение рисков (результатов), присутствующих в каждом проекте ГЧП; 6) существование конкретных субъектов (участников) двухсторонних отношений (государство – бизнес), таких как коммерческие и некоммерческие организации, научно-исследовательские и образовательные учреждения, международные организации, финансовые доноры и другие экономические агенты; 7) наличие межсекторальных организационных сетей, созданных партнерами и участниками ГЧП, – консорциумов, ассоциаций, организационно интегрируемых формирований и т. п.

Пониманию сущности ГЧП (в частности, определению его конкретных видов, форм и моделей, без чего невозможно регулировать существующие в нем отношения) способствует также его классификация. Осуществить эту классификацию можно по разным критериям:

1) по сфере общественной деятельности, в которой начинается ГЧП (транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, разведка месторождений полезных ископаемых и их добыча, туризм и др.);

2) по направлению проектов ГЧП и, соответственно, обязанностям частного партнера, а также по его правам в отношении объекта ГЧП;

3) по составу участников ГЧП: двухстороннее ГЧП (один государственный и один частный партнер); многостороннее ГЧП (со стороны государственного партнера – два и более носителя публичных интересов: государство, орган/органы местного самоуправления; со стороны частного партнера – один или несколько субъектов предпринимательства); ГЧП при предоставлении социальных услуг с участием государственного и частного партнеров, а также участников социального диалога;

4) по уровню ГЧП: общегосударственное; локальное; смешанное, или государственно-локальное; международное (при участии со стороны партнеров отечественных и зарубежных участников).

* Более подробно названные экономические институты, как и процесс их реализации в Украине, рассмотрены автором ранее [14; 15]. Результаты предыдущих исследований, материалы которых использованы в этой части статьи, определили целевую направленность и концептуальную архитектуру ее изложения.

Совокупность названных признаков и классификационных критериев ГЧП дает в определенной степени целостное представление об этом коллективном экономическом институте. Следует также понимать, какими обстоятельствами обусловлено сотрудничество государства и бизнеса. Главными из них являются недостаточный объем государственных ресурсов для модернизации, реконструкции и развития производственной и социальной инфраструктур, находящихся в собственности государственного сектора, а также отсутствие в государстве чиновников с надлежащим опытом управления и соответствующих ему механизмов в разных сферах хозяйствования. Исторически подтверждено, что такие обстоятельства, как правило, возникают в трудные и кризисные периоды развития экономики.

Примером тому служит развитие Великобритании с середины 80-х годов XX в. и присутствие при этом ГЧП, что способствовало привлечению денежных средств частных инвесторов в сферу экономики. Это позволило правительству во главе с М. Тэтчер вывести экономику из кризиса. Сегодня программу развития ГЧП в Великобритании можно считать зрелой: ежегодно заключается свыше 80 новых соглашений с ГЧП, большинство из которых реализуется в сфере социальной инфраструктуры. Значительное количество этих проектов осуществляется органами местной власти, что говорит о происходящей демократизации управления в стране. По данным британского правительства, такие проекты обеспечивают для бюджета страны около 20% экономии.

Успех Великобритании способствовал внедрению ГЧП во многих странах с рыночной экономикой, особенно в высокоразвитых. Распространение ГЧП в странах ЕС отслеживается специально созданным в 2008 г. Европейским центром по исследованию публично-частного партнерства ("European PPP Expertise Centre", EPES). Согласно данным этого центра, количество проектов по годам хоть и колеблется, но остается стабильно высоким *. Кроме того, в высокоразвитых странах ГЧП находится на разных уровнях своего становления и имеет особенности реализации. Это сказывается на системах и формах его действия.

В международной практике существуют следующие модели организации системы ГЧП:

- централизованная, когда создается единый орган ГЧП;
- децентрализованная, когда все министерства или органы местной власти имеют дело с ГЧП;
- смешанная, когда центральный координирующий орган занимается разработкой политики ГЧП, а департаменты отдельных министерств разрабатывают и осуществляют соответствующие проекты.

Что касается форм ГЧП, то известно их большое количество. Они непосредственно не связаны с организационными системами, но тоже отображают уровень экономического развития страны, а также разнообразные потребности государства и бизнеса. Обобщение этих форм позволяет условно выделить две основные группы: контрактные и институциональные.

Первая группа охватывает договорные формы, среди которых наиболее известны концессионные соглашения и соответствующие договоры по выполнению определенного объема работ (по поставке продукции, управлению, технической помощи и т. п.). Отличительная особенность контрактной формы ГЧП состоит в том, что оплата услуг частного сектора осуществляется не государством, а пользовате-

---

* Market Update / Review of the European PPP Market in 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eid.org/epes/resources/publications/epes_market_update_2015_en.pdf.

лем инфраструктурного объекта, созданного концессионером (например, автодороги).

Вторую группу форм ГЧП составляют любые совместные предприятия государственных органов и частных партнеров. Особенность предприятий этого типа заключается в постоянном участии государства в текущей производственной, административно-хозяйственной и инвестиционной деятельности. Как правило, на таких предприятиях государственный капитал составляет более 50,1%. Следовательно, контрольный пакет сохраняется за государством. Поэтому по сравнению с концессией в данном случае возможности частного сектора более ограничены.

В современных условиях такие формы организации ГЧП реализуются в сферах, где вложение капитала предусматривает высокий риск и длительные сроки окупаемости, но которые все же необходимы с точки зрения экономического развития государства и его дальнейшего прогресса (например, создание инфраструктуры, инновации, ЖКХ, здравоохранение и социальные услуги, образование, система переподготовки кадров и др.). Сегодня несомненными лидерами в использовании этих форм организации ГЧП стали страны с развитыми рыночными экономиками.

Все это говорит о том, что происходят качественные изменения в отношениях государственного и частного секторов. Государство все убедительнее заявляет о своей позиции не наблюдателя, не “ночного сторожа” в странах с рыночной экономикой и/или просто регуляторного контролирующего инструмента рынка. **Оно становится непосредственным и активным участником объективного процесса обобществления производства, партнером частного предпринимателя в его деятельности по удовлетворению социально-экономических потребностей общества**, одновременно способствуя при этом как его дальнейшей социализации, так и непрерывному научно-инновационному прогрессу и развитию производительных сил.

Выводы

Исследование на основе предложенных подходов к этапам развития рыночной экономики свидетельствует об эволюционной смене периодов прогресса человеческого общества. Происходящие при этом цивилизационные изменения основываются на все более углубляющемся разделении труда и его растущей производительности. Именно труд определяет богатство общества, стоимость необходимых ему потребительских благ, делая их в условиях рынка не просто товаром, но и капиталом. Погоня за капиталом, то есть стоимостью, приносящей прибавочную стоимость (прибыль), подчиняет производство процессу получения прибыли, становится естественной движущей силой рыночной экономики.

Частная собственность и экономическая свобода в условиях повсеместной капитализации экономики, а также соответствующих политических и социальных институтов позволили ученым-обществоведам в XIX в. выяснить сущность капиталистического способа производства. Однако его прогрессивность, равно как и революционность технологического оснащения человеческого труда, столкнулась с неразрешимой проблемой достижения социального равенства и справедливости. И без изменения структурных экономических институтов таковым остается также отсутствие необходимой демократии не только в политической и социальной жизни общества, но и в управлении производством. Именно с этим связаны существующие сегодня реальные изменения, социальная трансформация (социализация) рыночной экономики и ее институтов.

Социализация, которую мы рассмотрели на примере развития двух коллективных экономических институтов, не говорит о том, что она предполагает декапитализацию рыночных экономик. Речь идет, скорее, о происходящих на современном этапе их развития взаимодействиях процессов капитализации и социализации [19]. При этом менеджмент (управление), обеспечивающий это взаимодействие, не отказывается от рынка, его законов и категорий. Используя его как один из своих инструментов, управление на всех уровнях хозяйствования становится не просто определяющим фактором роста производительности труда, но и составной изменений, происходящих в производственных отношениях. Если при этом социализацию понимать как подчинение производства не получению прибыли, а интересам развития человека, то в перспективе следует ожидать не только появления нового способа производства, но и смены всей конструкции человеческих производственных отношений, то есть всего общества и всех его институтов.

Теоретически пока еще трудно обосновать новый, отличный от капиталистического, способ производства. Трудно также ответить на вопрос, как скоро произойдет смена этих институтов. Современная глобализация лишь доказывает, что достигнутый уровень общественных экономических институтов требует соответствующего развития политических и социальных институтов. При этом следует учесть, что в условиях растущего обобществления производства экономические институты становятся более зависимыми от них, нежели это было раньше. Свидетельством тому являются экономические последствия многочисленных социально-политических событий конца XX — начала XXI в.: распад СССР, происходящая во многих странах миграция населения, сепаратизм, терроризм, гонка вооружений, выход Великобритании из ЕС и т. п.

Как видим, сегодня недостаточно одного лишь анализа новых черт рыночной экономики, которые существенно меняют и трансформируют общество в целом. Он нужен во взаимосвязи и взаимозависимости с политическими и социальными институтами, а также соответствующими им идеологиями. Важно при этом также учесть эффективность глобального экономического управления, оценить действенность и влияние ведущих международных организаций (ООН, МВФ, МОТ, Всемирного банка, ВТО и др.). Лишь такой системный анализ в состоянии определить проблемы и обозначить пути цивилизационных преобразований развитых капиталистических стран и стран, ставших на путь развития рыночных экономик, в том числе и Украины.

Список использованной литературы

1. *Маслов П.* Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. — СПб. : Типография В. Безобразова и К, 1910. — 379 с.
2. *Аристотель.* Сочинения. — В 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. *Каценеланбаум З.С.* Учение о деньгах и кредите. — Ч. II. — М. : Экономическая жизнь, 1928. — 567 с.
4. *Майбурд Е.М.* Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. — М. : Дело, 2000. — 560 с.
5. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М. : Дело Лтд, 1994. — 720 с.
6. *Петти В.* Экономические и статистические работы. — М. : Соцэкгиз, 1940. — 324 с.
7. *Landreth H.* A History of Economic Theory. Scope, Method and Content. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1976. — 528 p.

8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М. : Соц-экиз, 1962. – 688 с.
9. *Жамс Э.* История экономической мысли XX века ; [пер. с франц.]. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – 572 с.
10. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М. : Издательство иностранной литературы, 1949. – 398 с.
11. *Шумпетер Й.А.* Капіталізм, соціалізм і демократія ; [пер. з англ.]. – К. : Основи, 1995. – 540 с.
12. *Dierkes M., Antal A.B.* Whither corporate social reporting: is it time to legislate? // *California Management Review*. – 1986. – Vol. 28. – № 3. – P. 106–121.
13. *Porter E.M., Kramer M.R.* Strategy and Society. The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // *Harvard Business Review*. – 2006. – Vol. 84 (12). – P. 78–92.
14. *Кредисов А.И.* Организационный вектор развития современного бизнеса // *Экономика Украины*. – 2013. – № 10. – С. 21–31.
15. *Кредисов А.И., Билоус А.А.* Государственно-частное партнерство: мировой опыт и его использование в Украине // *Экономика Украины*. – 2016. – № 2. – С. 4–15.
16. *Van H.H., Koppen J.J.* Building public-private partnerships: assessing and managing risks in post development // *Public Management Review*. – 2001. – Vol. 4. – № 1. – P. 593–616.
17. *Greve C.* Public-private partnerships in Scandinavia // *International Public Management Review*. – 2003. – Vol. 4. – № 2. – P. 59–68.
18. *Blondal J.R.* International Experience Using Outsourcing, Public Private Partnerships and Vouchers. – Arrington : IMR Centre for the Business of Government, 2005. – 48 p.
19. *Гриценко А.А.* Капитализация и социализация экономики в ретроспективе и перспективе / *Методологія, теорія та практика аналізу сучасного суспільства* : зб. наук. пр. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2009. – Вип. 15. – С. 191–195.

References

1. Maslov P. *Teoriya Razvitiya Narodnogo Khozyaistva. Vvedenie v Sotsiologiyu i Politicheskuyu Ekonomiyu* [Theory of Development of the National Economy. Introduction to Sociology and Political Economy]. St. Petersburg, PH of V. Bezobrazov and Co., 1910 [in Russian].
2. Aristotle. *Sochineniya. V 4 t.* [Compositions. In 4 volumes]. Moscow, Mysl', 1983, Vol. 4 [in Russian].
3. Katsenelanbaum Z.S. *Uchenie o Den'gakh i Kredite. Ch. II* [The doctrine of money and credit. Part II]. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn', 1928 [in Russian].
4. Maiburd E.M. *Vvedenie v Istoriyu Ekonomicheskoi Mysli. Ot Prorokov do Professorov* [Introduction to the History of Economic Thought. From Prophets to Professors]. Moscow, Delo, 2000 [in Russian].
5. Blaug M. *Ekonomicheskaya Mysl' v Retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow, Delo Ltd, 1994 [in Russian].
6. Petty W. *Ekonomicheskie i Statisticheskie Raboty* [Economic and Statistical Works]. Moscow, Sotsekgiz, 1940 [in Russian].
7. Landreth H. *A History of Economic Theory. Scope, Method and Content*. Boston, Houghton Mifflin Company, 1976.

8. Smith A. *Issledovanie o Prirode i Prichinakh Bogatstva Narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, Sotsekgiz, 1962 [in Russian].
9. James E. *Istoriya Ekonomicheskoi Mysli XX Veka* [History of Economic Thought of the XX-th century]. Moscow, Foreign literature PH, 1959 [in Russian].
10. Keynes J.M. *Obshchaya Teoriya Zanyatosti, Protsenta i Deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Foreign literature PH, 1949 [in Russian].
11. Schumpeter J.A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Kyiv, Osnovy, 1995 [in Ukrainian].
12. Dierkes M., Antal A.B. Whither corporate social reporting: is it time to legislate? *California Management Review*, 1986, Vol. 28, No. 3, pp. 106–121.
13. Porter E.M., Kramer M.R. Strategy and society. The link between competitive advantage and corporate social responsibility. *Harvard Business Review*, 2006, Vol. 84 (12), pp. 78–92.
14. Kredisov A.I. *Organizatsionnyi vektor razvitiya sovremennogo biznesa* [The organizational vector of development of modern business]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 10, pp. 21–31 [in Russian].
15. Kredisov A.I., Bilous A.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mirovoi opyt i ego ispol'zovanie v Ukraine* [State-private partnership: the world experience and its use in Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 2, pp. 4–15 [in Russian].
16. Van H.H., Koppen J.J. Building public-private partnerships: assessing and managing risks in post development. *Public Management Review*, 2001, Vol. 4, No. 1, pp. 593–616.
17. Greve C. Public-private partnerships in Scandinavia. *International Public Management Review*, 2003, Vol. 4, No. 2, pp. 59–68.
18. Blondal J.R. *International Experience Using Outsourcing, Public Private Partnerships and Vouchers*. Arrington, IMR Centre for the Business of Government, 2005.
19. Grytsenko A.A. *Kapitalizatsiya i sotsializatsiya ekonomiki v retrospektive i perspektive, v: Metodolohiya, Teoriya ta Praktyka Analizu Suchasnoho Suspil'stva* [Capitalization and socialization of the economy in retrospect and perspective, in: Methodology, Theory and Practice of Analysis of Modern Society]. Kharkiv, V.N. Karazin Kharkiv National University, 2009, Iss. 15, pp. 191–195 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 31 марта 2017 г.
